

БАНДИТИЗМ И АНТИСОВЕТСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ПОДПОЛЬЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1942–1944 гг.: НА МАТЕРИАЛАХ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Е.Х. Апажева
А.А. Татаров

В центре исследования лежит феномен бандитизма, под которым традиционно понимают как уголовные преступления, так и политически мотивированное антисоветское вооруженное подполье в контексте Великой Отечественной войны. Методы исследования базируются на анализе советской политико-юридической терминологии 1920–1940-х гг., оценочных позиций и количественных данных в документах и справках. Изучение кейса Кабардино-Балкарии, республики, претерпевшей прифронтовые боевые действия, нацистскую оккупацию и депортацию одного из титульных народов, открывает возможность проследить факторы влияния на динамику преступности и учет ее численности. Авторы демонстрируют противоречия в количественных данных по бандитизму в документах органов безопасности и армейских сводках. Показано, что до и в период Великой Отечественной войны не сложилась четкая грань между политическим бандитизмом и преступлениями против управленческого и хозяйственного порядка, а условия войны в значительной степени политизировали проявления локальной преступности. По мнению авторов, смешение уголовного и политического бандитизма повлияло на структуру и содержание справок о политическом состоянии в национальных автономиях. В случае с обвиненными в массовом предательстве и депортированными балкарцами оценка численности бандитизма сопряжена с рядом факторов – проживание балкарцев в горной части республики, которая традиционно привлекала правонарушителей разных национальностей; влияние планирования депортации на процесс составления документов по бандитизму. Обоснованно то, что в тыловой зоне Кабардино-Балкарии немецкие диверсии не смогли оказать существенного влияния на развитие вооруженного подполья в наиболее активной фазе его развития в 1942–1944 гг.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, антисоветское вооруженное подполье, уголовный бандитизм, политический бандитизм, немецкие диверсионные операции.

В ходе Великой Отечественной войны произошел самый масштабный всплеск преступности в истории нашей страны. На 1941–1945 гг. приходится около 70% граждан, осужденных в 1940–1956 гг. общими судами и военными трибуналами [1, 60–61]. Война не только создала условия для ослабления советского порядка и роста правонарушений в ближнем и дальнем тылу, но и обострила реакцию тоталитарного государства на правонарушения. Грани между видами преступлений и

уровни ответственности за них стали подвижнее.

Если в 1920–1930-х гг. экономические трудности служили основным катализатором роста преступности, то период войны, как отмечает В.В. Лунеев, был обусловлен «более широкой криминализацией малейших отклонений от императивных требований властей» [1, 61]. Для иллюстрации – в июле 1941 г. распространение ложных слухов, вызывающих тревогу среди населения, каралось тюремным сроком от двух до

пяти лет [2, 395], но уже через год наказание ужесточилось на фоне ухудшения положения СССР в войне. В частности, документы свидетельствуют о том, что в разгар битвы за Кавказ осенью 1942 г. в прифронтовых районах Кабардино-Балкарии участилось применение смертной казни военными трибуналами за малейшее распространение паники среди населения (по статье 58–10 ч. 2 УК РСФСР) [3, 172].

Проблема бандитизма и терминологии уже не первое десятилетие является частью дискуссий об этнических депортациях народов Северного Кавказа, обвиненных в массовом предательстве Родины и коллаборационизме. Количественные данные из открытых для доступа документов НКГБ–НКВД, а также официальных обвинительных актов (в случае с депортированными народами) дают определенное представление о масштабах и структуре локальной преступности, однако определение объективных качественных критериев оценки политической ситуации и проблемы антисоветского вооруженного подполья в национальных автономиях до / после нацистской оккупации требует комплексного и многостороннего подхода.

Постсоветские исследователи традиционно рассматривают явление бандитизма на Северном Кавказе через призму истории взаимоотношений советской власти и местных народов. Бандитизм в 1920–1940 гг. представлен как радикальная форма социального протеста локальных обществ, которая переплетена с идеями сепаратизма и национализма. В этом контексте иногда применяются альтернативные термины – *повстанческое движение* [4; 5], *терроризм и экстремизм* [6; 7], *партизанская борьба* [8] и др.

В одном из новейших фундаментальных академических исследований по Великой Отечественной войне рассмотрены проблема бандитизма и проблема *антисоветского вооруженного подполья*, под которым понимается деятельность националистических организаций, трактовавшаяся тогдашним уголовным кодексом как бандитизм [9, 681]. Это один из тех редких случаев, когда обозначается разделение между уголовными и политическими преступными действиями в годы войны, имеющими зачастую схожие формы и методы действий, но разные цели. Но в уголовном праве 1920–1930-х гг. так и не сложилось понятие «политического бандитизма», а ведь его появление позволило бы юридически отделить политическое вооруженное подполье от уголовного и предотвратить различное толкование понятия «бандитизм» в судебной практике и в сознании общества [10, 13].

В период Великой Отечественной войны наиболее опасные, с точки зрения власти, преступные элементы включали лиц, сотрудничавших с врагом на оккупированных советских территориях, дезертиров и уклонистов, наконец, «бандитов», к которым относились вооруженные лица или группы, преследующие грабительские или / и политические цели.

В довоенной советской уголовной практике деятельность антисоветского вооруженного подполья стала впервые актуальной в период Гражданской войны. Согласно декрету ВЦИК от 20 июня 1919 г. бандитизмом считались «участие в шайке, составившейся для убийств, разбоя и грабежей, пособничество и укрывательство такой шайки» [11, 49]. На том этапе бандитизм не

причислялся к контрреволюционным преступлениям, но расценивался столь же опасным для режима явлением, исключенным из амнистируемой категории правонарушений.

Первые годы советской власти проходили в упорной борьбе как с уголовными элементами, так и с множеством идейных врагов. Термины «банда» и «бандит» приобрели дополнительный политико-идеологический оттенок. Согласно Ст. 76 Особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., организация или участие в бандах (вооруженные шайки), безразлично, сопровождались ли они убийствами и грабежами или нет, карались высшей мерой наказания с конфискацией имущества. Такие же санкции предусматривались за пособничество и укрывательство банд. При смягчающих обстоятельствах допускалась замена казни тюремным сроком [11, 125]. В Уголовном Кодексе РСФСР 1926 г. к бандитам начали причислять лиц, которые совершили разбой без отягчающих обстоятельств в первый раз [11, 285].

В 1927 г. было выпущено Положение об особо опасных преступлениях, которое снова отделило бандитизм от контрреволюционных акций, но смягчило санкции. Бандитизм определялся как организация угрожающих советским учреждениям, гражданам, линиям коммуникаций и транспорта вооруженных действий, которые нарушают государственное и хозяйственный порядок. Данные преступления предусматривали наказание от трех лет тюремного заключения до расстрела при отягчающих обстоятельствах [11, 223–224].

Колебания в юридической оценке данного правонарушения отражали изменения общественного порядка.

Снижение криминогенной опасности и относительная стабилизация общества к концу 1920-х гг. совпало с началом масштабных социально-экономических преобразований, и уголовное право отразило смену дискурса, став каналом обеспечения массовых репрессий в 1930-х гг.

В период Великой Отечественной войны в отчетных документах органов госбезопасности по борьбе с бандитизмом сложилась практика, когда бандиты-уголовники, иначе деклассированные элементы, зачастую приписывались к политическим бандитам, т.е. контрреволюционерам и классовым врагам советского общества. В редких случаях в документах упоминаются не только «бандитско-повстанческих группы», т.е., собственно, политические бандиты, но и «уголовно-грабительские группы» [12, 503–504].

Ситуация в национальных автономиях Северного Кавказа заметно обострилась летом-осенью 1942 г., когда развивалось стремительное наступление немецко-румынских войск на юг. Органы госбезопасности, отделы по борьбе с бандитизмом (с осени 1941 г.) и истребительные батальоны (с весны 1942 г.) внимательно реагировали на любые проявления преступности на фоне близости линии фронта и оккупации некоторых регионов.

Причины подведения банд уголовных и банд политических под один знаменатель лежали не только в большом сходстве внешних проявлений их действий. Антисоветский элемент, включавший самых разных правонарушителей, скрывался преимущественно в горной местности. Подобный опыт уже наблюдался в Крыму в 1941–1942 гг. – в степной зоне было гораздо меньше пре-

ступности среди коренного татарского населения, нежели в горах [13, 197].

Осенью 1942 г. большая часть советского тыла Кабардино-Балкарии располагалась в горной местности, что побудило органы госбезопасности оценить риски дестабилизации. Например, в сентябре 1942 г. в письме командиру 2 Гвардейской дивизии Ф.В. Захарову капитан госбезопасности Н.И. Чирков, возглавлявший оборону Тырнаузского комбината, предупредил, что обстановка в местности может обостриться, так как «район Эльбруса... в свое время был сосредоточением всех банд и для оперирования их пригоден» [14, 43].

На фоне сложностей предвоенной модернизации на Северном Кавказе, любые антисоветские проявления, свидетельствующие о недоработках в политико-идеологической сфере, воспринимались в Центре с особым раздражением и создавали дополнительное давление на региональные власти. После войны проблема бандитизма нередко поднималась на партийных собраниях в регионах, подвергшихся этнической депортации, в контексте просчетов и упущений региональных элит в 1940-х гг.

Начало битвы за Кавказ усилило внутренние и внешние, политические, факторы, влиявшие на рост преступности. Кризис экономики, хаос эвакуации, нестабильность линии фронта стали определенными сигналами к совершению имущественных хищений. Но тревоги местных элит, которые, как, например, в Кабардино-Балкарии [15, 23, 49–50], отмечали оживление бандитизма, были связаны и с пониманием того, что приближение немецко-румынских войск может побудить скрытых врагов советской власти к идеям сепаратизма и локального национализма.

Органы госбезопасности и истребительные батальоны оперативно среагировали на вражеские парашютные десанты на Северном Кавказе, при этом в течение 1942 г. были ликвидированы 5 бандитских формирований и около 150 бандитских групп. Как отмечает В.П. Сидоренко, формирования были не только многочисленнее (100–500 участников), но имели политические цели и связь с вражеской разведкой, в то время как группы действовали как уголовные организации [16, 16].

В ноябре 1942 г. в Кабардино-Балкарии сложилась серьезная ситуация в Черекском ущелье, через которое отступали части 37 армии, в том числе ответственная за оборону ущелья 11 стрелковая дивизия НКВД. Развернувшиеся здесь события иллюстрируют то, как часто сложно составить представления о количественной и качественной характеристиках бандитизма.

Согласно данным штаба 37 армии к концу ноября местные банды установили свои порядки в нескольких населенных пунктах, где отсутствовали гарнизоны красноармейцев, и стремились затруднить отступление соединений армии. В ходе вооруженных столкновений бандиты обстреляли официальные здания в районном центре и захватили зенитную пушку с расчетом, советские части потеряли пять чел. убитыми и четыре чел. ранеными [17, 41]. Расследование МВД Кабардинской АССР установило в 1947 г., что в Черекском районе действовало не единое бандформирование, а 5 бандгрупп в составе 152 чел. [18, 20, 52].

Развитие ситуации было обусловлено не только количественными показателями или организационными качествами, но также политическими про-

явлениями, которые были усмотрены в действиях преступников. Было принято решение о ведении бескомпромиссной борьбы с бандитизмом в Черекском ущелье. Согласно ранним отчетам отряда 11 дивизии НКВД, 27–30 ноября 1942 г. были ликвидированы 1500 чел., включая «90 бандитов, 400 мужчин, могущих носить оружие, а остальные женщины и дети» [18, 155–156].

В фондах Центрального архива Министерства Обороны мы обнаружили штабной документ 37 армии (от 2 декабря 1942 г.), в котором первоначальные сведения были перечеркнуты и исправлены карандашом – таким образом данные о 1500 ликвидированных «бандитах и их пособниках» снизились до 742 чел. [17, 41]. В постсоветский период специальной комиссией было проведено расследование, которое выявило факты значительных жертв среди мирного населения в ходе операции отряда НКВД в Черекском ущелье. Установлены имена 377 чел., из них 155 чел. в возрасте до 16 лет [18, 61]. Таким образом, вокруг Черекских событий все еще открыты вопросы не только о размахе преступности, но и числе жертв и их классификации.

После освобождения Кабардино-Балкарии в январе 1943 г. продолжилась тщательная работа органов НКВД-НКГБ¹ по выявлению вражеских агентов и их пособников, для которых Кавказ оставался одним из приоритетных направлений. С другой стороны, на повестке дня стояла борьба с агентами и диверсантами, подготовленными немецкими спецслужбами в период оккупации для организации вооруженных выступлений.

По сложившейся классификации политических преступников к 1 марта

1943 г. в Кабардино-Балкарии было выявлено 2128 чел., (85 шпионов и подозреваемых в шпионаже, 14 диверсантов, 685 немецких ставленников и пособников, 578 бандитов, 168 дезертиров, 600 чел. из прочего антисоветского элемента [12, 527].

Смена руководства наркомата внутренних дел республики в мае 1943 г. – полковник К.П. Бзиава сменил С.И. Филатова, а последний возглавил местный НКГБ – стала выражением недовольства Центра действиями ведомства накануне и в период оккупации. Бзиава подверг сомнению эффективность борьбы с преступностью на районном уровне, повысив требования к начальникам районных отделов НКВД [19, 6]. По мнению нового наркома, в республике сложилась практика преуменьшения местных данных по бандитизму и дезертирам [20, 162]. Тем не менее, именно в докладных отчетах Филатова говорилось о более чем 300 повстанцах в Черекском ущелье [12, 527], в то время после оккупации здесь было арестовано и убито 157 чел. [21, 211].

Возвращение советской власти в Кабардино-Балкарию позволило партийным органам расширить масштабы политико-пропагандистских мер. Почетные старики привлекались для убеждения скрывающихся преступников к добровольной сдаче, среди населения проводились беседы о деструктивной сущности нацистской оккупации [22, 52–53], а перед некоторыми колхозами были поставлены условия участия в социалистическом соревновании – успешная «легализация бандитизма» [23, 2–2 об.].

В то же время документы наполнены критикой усилий по возвращению «награбленного и припрятанного иму-

щества в момент оккупации» и борьбы «с расхитителями социалистической собственности» [24, 82]. На заседаниях заседания бюро райкомов ВКП (б) летом 1943 г. отмечалась усилившаяся активность «бандитско-повстанческих групп», при этом перечислялись, например, случаи разбойных нападений на мельницы, грабежа колхозного скота [25, 77].

С назначением К.П. Бзиава в Кабардино-Балкарию прибыла бригада оперативных работников Отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР. Во второй половине 1943 г. в Москву направили новые данные. Говорилось о ликвидации 47 банд с 1300 участниками на июнь 1943 г. и 33 банд с 1369 участниками во второй половине 1943 г. Но согласно данным за весь 1943 г. численность бандитов и особенно бандгрупп уменьшилась: «Всего за 1943 г. ликвидировано 33 банды с 2398 участниками, при этом убито 112, арестовано 1096 и легализовано 1190» [12, 528].

После проведения «филтрации» и следственных мероприятий численность бандитов и банд существенно снижалась. По данным МВД республики (1947 г.), в период войны действовали в общей сложности 50 вооруженных банд численностью 1170 чел., из них 763 балкарцев [18, 51]. Согласно справке первого секретаря Кабардинской АССР Н.П. Мазина, к ноябрю 1944 г. были выявлены 395 участников банд и одиночек кабардинской национальности [26, 20].

В 1944 г. милиция республики зафиксировала 6 разбоев с убийствами, 5 убийств при прочих обстоятельствах, 16 грабежей всех видов, 84 случаев кражи скота [24, 82]. Снижение преступности во многом протекало на фоне не-

дач немецких диверсионных операций в 1943–1944 гг.

Накануне битвы за Кавказ Германия приступила к усиленной подготовке диверсионных операций, направленных на разрушение инфраструктуры и советского порядка в национальных автономиях СССР. В Берлине оптимистично оценивались шансы использования издержек советской модернизации для дестабилизации тыла. Как вспоминал бывший сотрудник Абвера Г. фон Хеварт, к 1941 г. в СССР «не было ни одной семьи, которая не пострадала при Сталине» [27, 66].

В случае с Кавказом немецкие военные специалисты ожидали значительного роста антисоветских повстанческих выступлений параллельно приближению линии фронта [28, 236]. В основе такой уверенности лежала концепция реваншизма кавказских народов. Далекое не случайно первым основным группам диверсантов были даны кодовые названия «Шамиль I» и «Шамиль II» – это служило напоминанием о духе сопротивления имперской политике России в XIX в. Советская модернизация и политические репрессии в 1930-х гг. подорвали, но не полностью ликвидировали традиционный уклад жизни на Кавказе. На курсах подготовки при разведоргане «Цепелин» в Крыму диверсантам разъяснялось, что в пропаганде следует применять национально-ориентированные социальные и религиозные лозунги [29, 335].

Зарубежные исследователи отмечают, что немецкие диверсионные операции на Кавказе в 1942–1944 гг. задействовали около 370 диверсантов-парашютистов и были нацелены прежде всего на Карачаево-Черкессию, Кабардино-Балкарию (92 чел.) и Чечено-Ин-

гушетию [30, 298]; но они не достигли главной цели – провокации массовых повстанческих выступлений [31, 32].

После неудачного завершения битвы за Кавказ, немецкие спецслужбы откорректировали тактические задачи. Теперь диверсионные группы включали преимущественно представителей кавказских народов и должны были действовать в глубоком советском тылу. На фоне неудач Германии на фронте изменились маршруты переброски (с весны 1944 г. из Румынии вместо Крыма). Диверсанты имели в наличии, если судить по изъятым у них впоследствии предметам, широкий набор средств – личные и грузовые парашюты, взрывчатка, пистолеты и автоматы, гранаты, советские деньги и даже номера газеты «Газават», издававшейся в Берлине на языках народов Кавказа².

Рейхсминистр внутренних дел Германии Г. Гиммлер в октябре 1944 г. заключил, что операции на Кавказе проходили на фоне «чудесно готовой почвы» для диверсий [32, 142–143]. Но действительные итоги были неутешительными – потеря оккупированных земель на Кавказе, ослабление локальных антисоветских настроений к концу войны, и, наконец, успехи в ликвидации и изоляции диверсионных групп советскими органами госбезопасности. Примечательно, что им удалось мобилизовать поисковые группы из местных жителей, многие из которых были награждены орденами и медалями за вклад в борьбу с вражескими парашютистами [21, 125–126].

В годы Великой Отечественной войны и в предыдущие десятилетия за антисоветским вооруженным подпольем среди горских народов Северного Кавказа в советских политических до-

кументах был закреплен термин «бандитизм». Использование этого термина должно происходить с учетом трех факторов: в период военного времени трактовка преступления и степень наказания развивались в некоторой степени автономно от действовавшего уголовного права; в уголовном законодательстве 1920–1940-х гг. бандитизм расценивался как уголовное преступление против порядка управления; в советской юридической и политической практике не сложилось четкого разграничения между понятиями «уголовный бандитизм» и «политический бандитизм».

За исключением непродолжительного периода оккупации возможности бандитов и дезертиров для контактов с населением предгорных и равнинных населенных пунктов значительно снижались. Большая часть их замыслов пресекалась органами безопасности, поэтому основные их действия мотивировались по большей части грабительскими стимулами. С другой стороны, важно учитывать сложности объективной оценки масштабов преступности на линии фронта, а также существенные издержки в борьбе с правонарушениями, которые имели место в частности в Черекском ущелье.

В случае с обвиненными в массовом предательстве и депортированными балкарцами оценка численности наталкивается на две сложности. Во-первых, балкарцы проживали в горной части республики, которая являлась привлекательным ареалом действия для правонарушителей разных национальностей. Во-вторых, следует особо осторожно относиться к цифрам из документов по бандитизму, составленным накануне депортации балкарского народа. Выселе-

нию некоторых народов Северного Кавказа предшествовала оценка деятельности и численности антисоветского вооруженного элемента, и очевидно, что смешение уголовного и политического бандитизма стало весомым фактором, повлиявшим на структуру и содержание справок о политическом состоянии в национальных автономиях.

В 1942–1944 гг. немецкие спецслужбы, используя географически близкие к

Северному Кавказу аэродромы (Крым, Румыния), забрасывали в горские автономии диверсионные группы для провокации повстанческого движения. Попытки создать «второй фронт» в Кабардино-Балкарии провалились на фоне неуклонного снижения преступности – органы НКВД-НКГБ, не без помощи местного населения, смогли изолировать и ликвидировать диверсионные группы.

Примечания:

1. С апреля 1943 г. НКГБ вышел из состава НКВД в качестве самостоятельного ведомства.

2. Ознакомиться с одним из экземпляров можно в Центральном государственном архиве Кабардино-Балкарской республики (Фонд Р-290).

---

1. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997.

2. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938–1956) / Под ред. Ю.И. Мандельштама. М., 1956.

3. Дзугев Г.К. Без права на обжалование: Документальные очерки по материалам ЧК, ГПУ, НКВД, КГБ, ФСБ. 1920–1940 гг. Нальчик, 2012.

4. Краткова Н.В. Повстанческое движение в Северно-западной части Кавказа и Предкавказья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2004.

5. Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах // Академия исторических наук. Сборник трудов. М., 2007. Т. 1. С. 114–319.

6. Вакула И.М., Москаленко С.Г. Политический терроризм и религиозный экстремизм на Северном Кавказе // Философия права. 2002. № 2. С. 84–91.

7. Савенко Г.П. Политический бандитизм на Северном Кавказе в 1920–1940-е годы как предтеча современного терроризма в регионе // Труды юридического факультета Ставропольского государственного университета. Ставрополь, 2008. Вып. 17. С. 14–19.

8. Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. М., 2002.

9. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. М., 2013. Т. 6.

10. Киреев А.А. Политические банды и крестьяне Приморья. 1920–1930 гг. // Россия и АТР. 2005. № 4. С. 12–18.

11. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / Под ред. И.Т. Голякова. М., 1953.

12. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). Сборник документов / Сост. Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин. М., 2008.
13. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. В 5 т. / Сост. В.П. Ямпольский и др. М., 2003. Т. 3. Кн. 2.
14. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 1047. Оп. 1. Д. 17.
15. Управление Центра документации новейшего времени Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. 7. Оп. 1. Д. 5.
16. *Сидоренко В.П.* Деятельность войск НКВД на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1993.
17. ЦАМО. Ф. 392. Оп. 8898. Д. 22.
18. *Азаматов К.Г., Темиржанов М.О., Темукуев Б.Б., Тетуев А.И., Чеченов, И.М.* Черекская трагедия. Нальчик, 1994.
19. УЦДНИ АС КБР. Ф. 76. Оп. 1. Д. 18.
20. *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20-е – 60-е годы). М., 1998.
21. Чекисты Кабардино-Балкарии / Гл. ред. А.Ж. Губашиев. Нальчик, 1987.
22. УЦДНИ АС КБР. Ф. 7. Оп. 1. Д. 30.
23. УЦДНИ АС КБР. Ф. 7. Оп. 1. Д. 7.
24. *Голядин Н.П., Заруцкий О.В., Кузьмина С.В., Шипилов В.И.* История милиции Кабардино-Балкарии: этапы создания, становления и развития. Нальчик, 2004.
25. УЦДНИ АС КБР. Ф. 34. Оп. 1. Д. 19.
26. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 286.
27. *Roberts P.* (ed.). *Voices of World War II: contemporary accounts of daily life.* Santa Barbara, Greenwood, 2012.
28. *Абрамян Э.* Кавказцы в Абвере. М., 2006.
29. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. В 5 т. / Сост. В.П. Ямпольский и др. М., 2008. Т. 4. Кн. 2.
30. *Higgins D.R.* Behind soviet lines. Hitler's Brandenburgers capture the Maikop oilfields, 1942. Oxford, Osprey Publishing, 2014.
31. *Heilbrunn O.* Warfare in the enemy's rear. London, Allen & Unwin, 1963.
32. Trial of the major war criminals before the International Military Tribunal. 14 November 1945 – 1 October 1946, in 42 vol. Nuremberg, 1947. Vol. 29.

Apazheva, Elena Kh. – Kh.M. Bernekov Kabardino-Balkarian State University (Nalchik, Russia); elena_apazheva@mail.ru

Tatarov, Azamat A. – Kh.M. Bernekov Kabardino-Balkarian State University (Nalchik, Russia); traveller9090@mail.ru

BANDITRY AND ANTI-SOVIET ARMED UNDERGROUND IN THE NORTH CAUCASUS IN 1942–1944: THE CASE OF KABARDINO-BALKARIA.

Keywords: Kabardino-Balkaria, anti-Soviet armed underground, criminal banditry, political banditry, German sabotage operations.

The article investigates the phenomenon of banditry, which is traditionally understood as both criminal offenses and the politically motivated anti-Soviet armed underground in the context of the Great Patriotic War. The research methods are based on the analysis of the Soviet political and legal terminology of the 1920s – 1940s, as well as estimated positions and quantitative data in documents and references. The exploration of the case of Kabardino-Balkaria, a republic that suffered front-line hostilities, Nazi occupation, deportation of one of the titular ethnic groups, opens up the possibility of tracing the factors influencing both the dynamics of crime and accounting for its number. The authors demonstrate contradictions in quantitative data on banditry in the documents of the security agencies and army reports. In view of the fact there was no clear line between political banditry and crimes against the management and economic order before and during the Great Patriotic War, the conditions of the war largely politicized the manifestations of local crime. The authors point out that mixing of criminal and political banditry influenced the structure and content of information on the political situation in Soviet national autonomies. In the case of the deported Balkar people, the accusations of mass betrayal and the estimation of the banditry levels are associated with certain factors – the residence of Balkars in the mountainous part of the republic, which traditionally attracted offenders of different nationalities; the impact of deportation planning on the process of drafting documents on banditry. It is argued that in the rear front in Kabardino-Balkaria, Nazi German sabotage groups did not have a significant impact on the development of the armed underground in the most active phase of its development in 1942-1944.

REFERENCES

1. Luneev, V.V. *Prestupnost' XX veka. Mirovye, regional'nye i rossiiskie tendentsii* [Crime of the XX century. World, regional and Russian trends]. Moscow, 1997. 497 p.
2. Mandelshtam, Yu.I. (ed.). *Sbornik zakonov SSSR i Ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR (1938–1956)* [Collection of laws of the USSR and Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR (1938–1956)]. Moscow, Gosyurizdat, 1956. 531 p.
3. Dzuev, G.K. *Bez prava na obzhalovanie: Dokumental'nye ocherki po materialam ChK, GPU, NKVD, KGB, FSB. 1920–1940 gg.* [Without the right to appeal: Documentary sketches on the materials of the ChK, GPU, NKVD, KGB, FSB. 1920–1940]. Nalchik, El'brus, 2012. 192 p.
4. Kratkova, N.V. *Povstanchesкое dvizhenie v Severno-zapadnoi chasti Kavkaza i Predkavkaz'ya* [Rebel movement in the North-Western part of the Caucasus and the Ciscaucasia]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in History). Rostov-on-Don, 2004. 24 p.
5. Zhupikova, E.F. *Povstanchesкое dvizhenie na Severnom Kavkaze v 1920–1925 godakh* [Insurrectionary movement in the North Caucasus in 1920–1925]. *Akademiya*

istoricheskikh nauk. Sbornik trudov [Academy of Historical Sciences. Collection of works]. Moscow, Akademiya istoricheskikh nauk, 2007, vol. 1, pp. 114–319.

6. Vakula, I.M., Moskalenko, S.G. *Politicheskii terrorism i religiozniy ekstremizm na Severnom Kavkaze* [Political terrorism and religious extremism in the North Caucasus]. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. 2002, no. 2, pp. 84–91.

7. Savenko, G.P. *Politicheskii banditizm na Severnom Kavkaze v 1920–1940-e gody kak predtecha sovremennogo terrorizma v regione* [Political banditry in the North Caucasus in the 1920–40s as a forerunner of modern terrorism in the region]. *Trudy yuridicheskogo fakul'teta Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Law Faculty of Stavropol State University]. Stavropol, Servisshkola, 2008, iss. 17, pp. 14–19.

8. Sokolov, B.V. *Okkupatsiya. Pravda i mify* [An occupation. Truth and myths]. Moscow, Ast–press kniga, 2002. 352 p.

9. *Tainaya voina. Razvedka i kontrrazvedka v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The secret war. Intelligence and counterintelligence during the Great Patriotic War]. *Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov. V 12 t.* [The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 vols]. Moscow, Kuchkovo pole, 2013, vol. 6. 864 p.

10. Kireev, A.A. *Politicheskie bandy i krest'yane Primor'ya. 1920–1930 gg.* [Political gangs and peasants of Primorye. 1920–1930]. *Rossiya i ATR* [Russia and Asia-Pacific]. 2005, no. 4, pp. 12–18.

11. Golyakov, I.T. (ed.). *Sbornik dokumentov po istorii ugolovno zakonodatel'stva SSSR i RSFSR. 1917–1952 gg.* [Collection of documents on the history of the criminal legislation of the USSR and the RSFSR. 1917–1952]. Moscow, Gosyurizdat, 1953. 464 p.

12. Vladimirtsev, N.I., Kokurin, A.I. (comp.). *NKVD–MVD SSSR v bor'be s banditizmom i voozuzhennym natsionalisticheskim podpol'em na Zapadnoi Ukraine, v Zapadnoi Belorussii i Pribaltike (1939–1956). Sbornik dokumentov* [People's Commissariat for Internal Affairs – Ministry of Internal Affairs of the USSR in the fight against banditry and the armed nationalist underground in Western Ukraine, Western Belarus and the Baltic States (1939–1956). Collection of documents]. Moscow, Ob'edinennaya redaktsiya MVD Rossii, 2008. 640 p.

13. Yampolsky, V.P., et al. (comp.). *Organy gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine. Sbornik dokumentov. V 5 t.* [State security agencies of the USSR in the Great Patriotic War. Collection of documents. In 5 vols.]. Moscow, Rus', 2003, vol. 3, book 2. 701 p.

14. *Tsentrallyi arkhiv Ministerstva oborony (TsAMO)* [Central Archives of the Ministry of Defense (CAMD)]. Fund 1047. Inventory 1. Case 17.

15. *Upravlenie Tsentra dokumentatsii noveishego vremeni Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi respubliki (UCDNI AS KBR)* [Directorate of the Center for Documentation of Modern Times of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic (DCDMT AS KBR)]. Fund 7. Inventory 1. Case 5.

16. Sidorenko, V.P. *Deyatel'nost' voisk NKVD na Severnom Kavkaze v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1944 gg.)* [The activities of the PCIA troops in the North Caucasus during the Great Patriotic War (1941–1944)]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in History). St. Petersburg, 1993. 20 p.

17. TsAMO [CAMD]. Fund 392. Inventory 8898. Case 22.

18. Azamatov, K.G., Temirzhanov, M.O., Temukuev, B.B., Tetuev, A.I., Chechenov, I.M. *Cherekskaya tragediya* [Cherek tragedy]. Nalchik, El'brus, 1994. 200 p.
19. UCDNI AS KBR [DCDMT AS KBR]. Fund 76. Inventory 1. Case 18.
20. Bugai, N.F., Gonov, A.M. *Kavkaz: narody v eshelonakh* (20-e – 60-e gody) [Caucasus: peoples in echelons (20s – 60s)]. Moscow, INSAN, 1998. 368 p.
21. Gubashiev, A.Zh. (ed.). *Chekisty Kabardino-Balkarii* [Chekists of Kabardino-Balkaria]. Nalchik, El'brus, 1987. 228 p.
22. UCDNI AS KBR [DCDMT AS KBR]. Fund 7. Inventory 1. Case 30.
23. UCDNI AS KBR [DCDMT AS KBR]. Fund 7. Inventory 1. Case 7.
24. Golyadin, N.P., Zarutsky, O.V., Kuzmina, S.V., Shipilov, V.I. *Istoriya militsii Kabardino-Balkarii: etapy sozdaniya, stanovleniya i razvitiya* [The history of the militia of Kabardino-Balkaria: stages of creation, formation and development]. Nalchik, El'-Fa, 2004. 220 p.
25. UCDNI AS KBR [DCDMT AS KBR]. Fund 34. Inventory 1. Case 19.
26. *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoi istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Social and Political History (RSASPH)]. Fund 17. Inventory 88. Case 286.
27. Roberts P. (ed.). *Voices of World War II: contemporary accounts of daily life*. Santa Barbara, Greenwood, 2012. 236 p.
28. Abramyan, E. *Kavkaztsy v Abvere* [Caucasians in the Abwehr]. Moscow, Bystrov, 2006. 352 p.
29. Yampolsky, V.P. et al. (eds). *Organy gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine. Sbornik dokumentov. V 5 t.* [State security agencies of the USSR in the Great Patriotic War. Collection of documents. In 5 vols]. Moscow, Rus', 2008, vol. 4, book 2. 810 p.
30. Higgins, D.R. *Behind soviet lines. Hitler's Brandenburgers capture the Maikop oilfields, 1942*. Oxford, Osprey Publishing, 2014. 90 p.
31. Heilbrunn, O. *Warfare in the enemy's rear*. London, Allen & Unwin, 1963. 231 p.
32. Trial of the major war criminals before the International Military Tribunal. 14 November 1945 – 1 October 1946, in 42 vol. Nuremberg, 1947, vol. 29. 581 pp.